

A romantic couple is shown in a close embrace. The woman, with long dark hair and her eyes closed, is leaning her head against the man. The man, with short dark hair and his eyes closed, is holding her gently. They are both wearing light-colored, possibly white, shirts. In the bottom right corner, there is a vibrant red rose with green leaves. The background is a soft, out-of-focus landscape with greenery and a hint of a building or structure in the distance. The overall mood is intimate and tender.

Верона Шумилова

повести

Любовь - во весь голос

Верона Шумилова
Любовь – во весь
голос... П О В Е С Т И

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39439834

ISBN 9785449387523

Аннотация

Необыкновенно яркая и интересная книга о любви. О любви к детям, к матери, к женщине, к природе, к своей великой Родине. Волнуют страницы тяжёлой семейной трагедии в самом начале книги, радуют до гордости страницы о нелёгкой военной службе своей Отчизне по военным гарнизонам на своей земле и за границей. И везде – любовь, верная, яркая, запретная, но чистая, как родниковая вода... Приятного чтения!

Содержание

Верона Шумилова	5
Катины рассветы	7
Глава 1	8
Глава 2	23
Глава 3	30
Глава 4	34
Глава 5	43
Глава 6	46
Глава 7	58
Глава 8	63
Глава 9	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Любовь – во весь голос...

П О В Е С Т И

Верона Шумилова

© Верона Шумилова, 2018

ISBN 978-5-4493-8752-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Верона Шумилова

Член Союза писателей России, лауреат Международного конкурса поэтов-пушкинистов в Нью-Йорке (США), лауреат Международного конкурса «Детские радости», многократный лауреат и дипломант Московских фестивалей и конкурсов. Изданы 14 поэтических сборников и два романа: «Марьяна» и «Счастье в ладошке...»

Книгу составил и оформил

Нагорный Сергей (Maestro)

Катины рассветы

Глава 1

Дождь лил третьи сутки. Редкие, но сильные порывы ветра бросали по стеклам холодные потоки воды, и, казалось, кто-то настойчиво стучится в окно, просясь в теплый дом, чтобы согреться. Меняя внезапно направление, ветер тут же относил летящие водяные струи в сторону, и они, рассыпаясь, резво шлепали по лужам и вскипали многочисленными пляшущими фонтанчиками. До самого неба шевелилась непроницаемая стена дождя, словно он пытался затопить весь белый мир.

Василий, щуря светлые глаза и держа на руках годовалого сынишку, стоял у окна. Он не любил осенних затяжных дождей, каждый раз мрачнел, прислушиваясь к непогоде, хмурился и вслух высказывал свое недовольство природой и, в первую очередь, небом, заливавшим водой землю и людей, которые, не завершив до конца намеченные с утра дела, прятались в подъезды, под козырьки, навесы, а то и под желтеющие, но все еще ветвистые деревья. Но природа всегда распоряджалась по-своему: осенью щедро поливала раскисшую на значительную глубину землю, а летом очень скупно распределяла влагу – и растения безжизненно никли в горячем неподвижном зное.

Презрительно скривив губы, Василий нервно задержал штормовую и, придерживая Олежку одной рукой, неловко наклонился.

нил, пружиня тело и выгибаясь, открыл тумбочку и достал бутылку: водки в ней было больше половины. Налил полстакана, зыркнул на мальчика, протягивающего ручки к стеклянной посудине, словно прося у него прощение, резко выдохнул и одним махом опрокинул водку в рот. Отломил кусочек черствого хлеба, понюхал его и стал медленно жевать.

Плохо в доме без хозяйки, без матери. Василий впервые понял это три недели тому назад, когда отправил жену в больницу. Никто иной, а он сам виноват в случившемся горе: выпил тогда лишку, бежал за ней по пьяной дурости с молотком, Таня выскочила во двор, запнулась за кирпич, упала и сломала руку. Провожая ее к «неотложке», плакал, просил простить его и клятвенно обещал больше не пить. Она тоже плакала, но не от боли – она ее почти не чувствовала, а оттого, что вынуждена оставить на мужа, в последнее время пристрастившегося к выпивке, двоих малолетних детей: Олежку и четырехлетнюю Катюшу.

– Не волнуйся, Таня, – просил ее, заглядывая в подернутые тоской и усиливающейся болью глаза жены. – Не обижу малышей. Гад буду! Мои ведь, родные...

– Смотри за Олежкой. Он же совсем маленький, – просила мужа, жутко ненавидя его и проклиная в душе за пьянки и скандалы, за сломанную свою судьбу. – И за Катенькой тоже... – Таня глотнула комок, перехвативший дыхание, и больше не сказала мужу ни одного слова. Наклонилась, поцеловала дочку и попросила ее слушаться папу. Повернулась

к Олежке, прижала его одной рукой к себе и долго не могла оторваться от него, будто прощалась с ним навсегда, и оставила на его белой фланелевой распашонке с голубыми петушками крупные пятна горьких безутешных слез.

– Береги детей, Василий, – повторила, не глядя на него, и, охая, залезла в машину. – Не пей, прошу тебя... – крикнула уже через стекло и махнула левой рукой: правая, сломленная в двух местах, висела на марлевой повязке.

– Н-не буду, Таня. Поверь в этот трудный час...

Машина рванула с места и скрылась за углом дома.

Василии зашел в дом, сразу же опустевший без хозяйки, посмотрел на детишек, которых теперь надо кормить и поить, и в душе проклинал себя и водку. Клятвенно божился, что без Тани не возьмет ее в рот ни разу, но на следующий же день снова купил у бабки Нади за десятку бутылку крепкого самогона и несколько раз в день выпивал по полстакана. По-года хмелел, целовал по очереди детей, а потом, сидя за столом, когда они спали, плакал и звал жену.

«Приди же, Таня... Приди – кривил слюнявые губы. – ублажь. Тяжко с двумя, а ты уехала... Я зарекся, что не буду пить, значит, не буду. Сказал что связал, вот так... Последняя-распоследняя... Загляни в душу мою разнесчастную... – булькали в его горле бессвязные слова, и он, мотая головой, стискивал ее руками. – Вернись в дом... Дети голодные. И я, как тот пес шелудивый... – Василий согнулся над столом, часто шмыгал носом и снова, кляня водку, звал жену: – Та-

а-нька... Слышь? Дом пустой, вот и пью. Только поэтому... А приедешь, вот тогда... – блуждая вокруг мутными глазами, тут же успокаивал себя: – Ничего, что выпил. С горя ведь... Вот будет рядом Таня, скажет-прикажет в самый последний раз: ««Василий, возьми́сь за ум, пока не поздно», – и он возьмется. А как же? Была бы она дома. Ради нее, Таньки... Навсегда! На всю жизнь... – Качнувшись вправо, Василий боднул тяжелой лобастой головой, будто отгонял надоедливых мух, набылчился на бутылку: – Эх, мать твою-раствою! Вот она, миленькая... Вот она, родненькая... – и в который раз, пуская по бороде слюну, звал: – Та-а-нька! Оставлю эту... Ты мне дороже всего... А еще детки... Я гад такой! По рукам и ногам, стерва, связала. Воли нет... – Он еще долго матерился, скрипел зубами, путаясь пальцами в густой шевелюре грязных волос...

На кухне было тепло. В плите дружно пылали сухие поленья, и она дышала жаром. На ней грелась полная выварка воды; рядом, на двух табуретках, стояла детская ванночка.

– Ка-а-тька! Доченька-а-а! – Василий запнулся и, схватившись рукой за тумбочку, прижал к себе сынишку. – Слышь? Будем купать Олежку. Темно уже, и ему спать надо. Наш маленький утомился... – Он крепко поцеловал мальчика, отчего тот заплакал, но Василий не обратил на это внимания и стал его тискать: – Вот он, мой сын! Радость моя... Лю-лю-лю! – и щекотал губами его тепленькую шейку. Олежка совсем неожиданно залился радостным смехом, хотя на гла-

зах блестели слезки. – Мое счастье родное... Моя надежда – Василий снова щекотал губами грудь малыша.

Выставив два передних зубика, Олежка отчаянно хохотал, хватая ручонками за нос отца.

– Катенька! – опять позвал дочь. – Сюда иди! Кому сказал?

Из комнаты вышла тоненькая темноглазая девчушка с толстой косичкой, в которой синел смятый бантик. Теплое голубое платье было в многочисленных пятнах.

– Папа, ты звал меня? – спросила, глядя на отца. Не дождавшись ответа, подошла к братику и прижалась губами к его крохотной ножке: – Олезенька...

– Да-а-а, – наконец освободился Василий от своих навязчивых мыслей. – Искупаем его, доча, и уложим в кроватку. Пора ему спать.

– А я хочу к маме... Когда она приедет?

Положив широкую ладонь на головку дочери, Василий погладил ее и заморгал светлыми ресницами, гася слезы:

– Скоро, доченька. Сколько у тебя пальчиков на руке?

– Э-э-э, пять... – и стала считать: – Один... два... три...

– Через столько дней и мама вернется. Ну-ка, посмотри за Олешкой, а я приготовлю ванночку. – Василий положил сынишку в коляску, поправил под его головкой голубую подушечку, и Катя стала его качать.

Василий поднял голову, насторожился: он о чем-то думал, но недолго. Поспешно подошел к столу, оглянулся на детей,

и, махнув рукой, что, наверное, означало: будь что будет! – налил в стакан немного водки. Подержал в руке, по-видимому, снова решая для себя вопрос: пить или не пить?, рывком выдохнул из себя воздух и выпил, блаженно ощущая, как горячая струя обожгла горло, а затем и грудь. Пошарил голодными глазами по тумбочке и, не найдя ничего, вытер губы рукавом и медленно подошел к плите. Она пылала. Прикрыв глаза и чувствуя себя на подъеме, с умилением слушал детскую колыбельную., которую пела своему братику Катя. Расслабляясь и светлея лицом, думал о том, что недавно ее пела Таня, добрая и славная жена, а теперь вот Катя, а он, отец, в который раз не сдержал свое слово. Представив на миг Танино измученное лицо и подернутые болью глаза, ругнул себя. Не надо было пить... Жена в больнице, мучается, страдает по его вине, может, и не спит. А он?.. Он, гад, выпил полстакана и еще столько же. Зачем? Не выдержал... Подонки и только! Нет никакой силы воли... – Василий качнулся: у горячей плиты самогон действовал быстро и наверняка. – Как же так получилось? Почему довел себя до ручки? Раньше, года три назад, не пил. И в рот не брал... Любила его Таня, и он ее. Нежное, ласковое создание... Какая жизнь была! А теперь, мать твою... – Он снова посмотрел на малышей, почесал затылок и, глянув на стол, где стояла бутылка с недопитой водкой, вздохнул: – Ну и что, если не часто? Никто же не видит. Раз, два – и в дамки... И, притом, пока Таньки нет... – и с легкостью опрокидывал, как карточный домик,

свои зыбкие доводы, только что посетившие его, заполняя душевную пустоту другими мыслями: – Ладно, будет последняя. Последняя-распоследняя!.. С завтрашнего дня завяжу. Вернется Таня, будет рада...

...Слушай песенку ма-а-ю,
Баю-баюшки, ба-а-аю...

громко пела Катя, наклонившись над белокурым голубоглазым братиком.

– И в армии служил нормально, продолжал свою думу Василий, пробуя пальцем воду в выварке, имел кучу благодарностей. Потом закончил институт, работал преподавателем математики и черчения в школе. Все было хорошо. Любил детей, и дети, само-собой, его любили. А теперь?... – Он употребил еще несколько хлестких мужских выражений и с горечью сплюнул. – Когда начался срыв, а затем и падение? Отчего все случилось? Не было ни горя, ни беды... – Василий вытер ванночку полотенцем, проверил ее устойчивость. – Было же время, счастливое и радостное. Было да сплыло... – и снова ругнулся. – А началось все с рюмки. Дружок Витька Наганов, машина его, гараж... Будь он трижды проклят! Бэ-бэ-бэ! – кого-то зло передразнил Василий. – Сомнительные дружки-корешки... Казалось, что глоток водки – чистейший пустяк. Ан нет! За одной рюмкой последовала другая и незаметно, как червь, подтачивала организм и силу воли: муха

крылом перешибет, мать твою... И пошло, и поехало, а дальше и вовсе п-покатилось, как с горки снежный ком. Не мужик, а тряпка...

– Папа, возьми Олежкуу, – услышал голос Кати. – Я устала.

– М-минуточку, доча, – отмахнулся Василий, будучи не в силах прервать свои мысли и что-то делать еще. – Трижды на педсовете разбирали коллеги за пьянку, вызвали к совести. Он обещал, давал слово, что бросит пить. А дома, уверяя себя, что в последний раз, снова пил и тут же клялся и божился перед женой, что распрощался с ней, гадюкой и подлюкой, на все времена! Ползая на коленях, просил поверить ему и помочь выпутаться из крепких водочных сетей, спеленавших намертво не только руки и ноги, но и разум. Как же уйти от окончательного падения, от пропасти, до которой – один шаг, – продолжал Василий допытывать себя, млея у горячей плиты и стараясь сосредоточиться лишь на тех мыслях, что его крайне волновали. – Есть желание уйти, но как? И сейчас отрекся бы от нее, сивухи и бормотухи, да нет сил, чтобы это желание выполнить. Нет их, иссякли, улетучились. Безвольный он и мягкотелый. Стал таким, а был ведь сильным, напористым. В пример другим ставили его, Василия Мезенцева. А что?..

– Па-а-пка-а-а, – опять позвала его Катя. – Ты долго?

– Счас, доченька, счас. – Облизнув высохшие от водки и жары губы, Василий снял с плиты выварку и налил в ван-

ночку горячей воды, ковшиком добавил холодной, сдернул с себя рубашку и окунул в воду, как это делала Таня, оголенный локоть.

«Нормальная водичка. Не жжет... Значит, в самый раз...» – вяло подумал и оглянулся: Катя гремела у Олежкиного лица игрушкой, а тот, часто моргая глазенками, безудержно хохотал, мотал в воздухе пухлыми ручонками, стараясь схватить погремушку. Колечко светлых волос прилипло ко лбу, а на круглых щечках горел здоровый румянец.

– Сын мой... Радость моя... – все больше хмелел Василий, наблюдая за игрой детей. – Весь в Таньку... Нет, в меня... Как же? И в нее... А Катька в маму... Вылитая... – Сопя и потея, он положил в ванночку теплую пеленку, принес мыло, банное полотенце, чистые ползунки. – Ну вот, сынка, купель готова. Сейчас будем купаться...

Плита раскалилась докрасна. Василий положил на пылающий огонь еще охапку крупных сухих поленьев.

– Доченька. Давай Олежку.

Катя подкатила к отцу коляску.

– Вначале Олежкаа искупается, а потом я. Да, папка?

– Да, солнышко. Завтра утром поедем в больницу. Будем... э...э... чистенькими... ап-чхи-и! аккуратненькими. Мама... ап-чхи-и! – снова чихнул Василий, разбрызгивая во все стороны слюну, – ждет нас. Сегодня не поехали... аа-апчхи-и-и!..

– Ты, папа, как тот Карабас-Барабас, – улыбнулась Катя,

разглядывая взъерошенного отца. – А ну еще разик. А я буду считать.

– Хва-а-тит, – добродушно и расслабленно промолвил Василий и ладонью вытер губы. – Карабас-Барабас, доченька, чихал сорок семь раз подряд. А я всего несколько раз. Простыл, видно.

– Не простыл, а от водки, – говорит, не понимая, Катя, и Василий недовольно поморщился: такая пичуга и та колет ему глаза, не зная, что к чему, и у него тут же испортилось настроение. Он злобно кинул на дочь взгляд, но, увидев ее лицо, успокоился и снова проверил температуру воды. – То, что надо, – ответил сам себе. – Сейчас Олежка будет плавать. А потом Катенька. Ей надо в садик.

– А к маме? – напомнила Катя. – Я хочу к маме.

– С утра пойдем к маме, а потом побежишь в садик. – Думая о завтрашнем дне, Василий заинтересованно разглядывал дочь. Он, отец, ни разу не был в садике, воспитанием детей занималась Таня.

От горячей плиты Василий совсем разморился, покрылся обильным потом и, сдувая его с носа, раздел сына, посадил в воду и прикрыл его ножки пеленкой.

Олежка вначале затрясся, скривился и хотел было заплакать, наполнив глазки слезами, но через какое-то мгновение, растянув в улыбке пухлые розовые губки, уже колотил по воде ручонками, разбрызгивая ее во все стороны; капли падали на раскаленную плиту и тут же, шипя, высыхали.

– Ай-да, молодец! Ай-да, удалец! – суетился возле сына Василий, поливая его тельце теплой водой. Олечка от удовольствия фыркал, крутил головкой и еще резвее бил ладошками по воде. – Так ее, так! – приговаривал Василий, погружаясь в горячую смутную пелену. – Б-бей ее, стерву, бей, чтобы лучше мыла тебя. Lupи ее, сынка... Разливай вод... водичку... Наливай... – и неожиданно запел сильным грудным голосом, отчего малец вздрогнул и затаился: «Выпьем за Родину нашу могучую, выпьем и снова нальем». Василий разогнулся, кинул затуманенный взгляд на стол, где стояла бутылка с недопитой водкой, проглотил слюну.

– Опять будешь пить? – перехватив взгляд отца, беззлобно спросила Катя, взяась в воде с розоой детской мочалкой. – Я маме скажу.

– Не буду, доча. Ей-богу! – на всякий случай побожился Василий, не выпуская с поля зрения бутылку, притягивающую его магнитом. – А ябедничать нельзя. Это плохо...

Василий смахнул рукой обильный пот.

– Отойди, Катька, от плиты. Ишь как пылает. Платье загорится.

Пропустив мимо ушей это замечание, Катя намыливала мылом свою куклу.

– Кому сказал! – прикрикнул на дочь Василий. – Быстра-а-а! – Он пьянел все больше и больше. – Бантик вспыхнет и косичка загорится, а потом платьице. Надо понимать... – и излишне суетился возле сына.

Боясь простудить его, совсем недавно переболевшего воспалением легких, то и дело подливал в ванночку горячую воду.

– Ка-а-тька! Раздевайся! Будешь и ты купаться. А мы уже чистенькие... Мы хорошенькие... – Василий пытался помыть сыну ушки, но попадал пальцами то в головку, то в шейку. – Пospим и... и к мамочке поедem. Ту-ту-ту-ту, сынок! – Он смешно надувал толстые губы, пыхтел, испытывая истинное блаженство и умиротворение души. – Баеньки будем... Люли-люлечки...

Василий снова окунул в ванночку локоть.

– Погоди, сыночка! Водичка остыла. А тебе нельзя... Ни-ни! Заболеть можешь... А что скажет нам наша мама? М-минуточку... – Он поднял ванночку и, еле удерживая ее в руках, поставил на плиту. – Чуть-чуть под... подогреем... Самую м-малость... Всего чуть-чуть... Он поднял глаза: – Доча, иди сюда. Я на секунду это... в коридор за ведром.

В-водичку надо... вы... вылить... ее надо... – заплетал он языком, не ведая, что делает.

Из комнаты вышла Катя в маечке и трусиках и стала около ванночки.

Страхнув мокрые руки, Василий, шатаясь, вышел в коридор. За ним тут же захлопнулась дверь. Еще не понимая, что же случилось, взял пустое ведро и дернул дверь: она не открывалась. Еще и еще дернул и, сообразив, что же случилось, в один миг оцепенел. Бросив ведро и издав утроб-

ный стон, изо всех сил рвал на себя металлическую ручку, выкручивал ее во все стороны. Дверь не поддавалась.

– Олежка... Олеженька... – мертвея телом и отрезвляясь, звал, вращая белками глаз. – Сыночек... О боже! Что же делать? О люди!.. – и закричал, не помня себя: – Катенька, открой... Нажми и поверни защелку... Нажми и направо... – Он бил плечом в крепкую дверь, напирая на нее всей тяжестью тела. – Открой же! – стонал он, охваченный паническим страхом. – Ведь вода закипит...

– Я, папа, не могу... – откликнулась Катя. – У меня никак не получается.

И тут же заплакал Олежка.

Теряя самообладание, Василий остервенело бил ногами в дубовые доски, а там, за дверью, заходилась в крике Олежка. Плакала уже и Катя.

Обезумев от страха и окончательно отрезвев, Василий метнулся в кладовку за топором. Он разбрасывал во все стороны вещи, а из кухни доносился жуткий крик сына. Василий взвыл, как смертельно раненый зверь, схватил попавшую под руки лопату и, выскочив в коридор, рубил ею дверной замок.

– Олежка!.. Олеженька!.. – дико кричал, размахивая лопатой и вонзая ею в дерево около замка. – Сыно-о-чек! О боже!.. Он же на плите! – Василий с каждой секундой слабел. Кричала уже во весь голос Катя. Василий терял рассудок.

Бросив лопату, он выскочил во двор и побежал к окну,

но дотянуться до стекла, чтобы выбить его, не смог. Подрывая ногти, кое-как цеплялся за незначительные выступы кирпичной кладки, подтягивался на какие-то сантиметры и снова сползал на землю. Скрипя зубами, кинулся от окна, оббежал двор в поисках какого-нибудь ящика или бочки, но ничего не нашел. Схватив тяжелое бревно, изо всех сил пытался его подтащить к дому, но бревно было слишком для него тяжелым.

На крыльцо вышел сосед.

– Сергей! – бросив бревно, кинулся к нему Василий. – Помоги! Там в кипятке Олежка... Он на плите... Варится... – Его лицо было искажено страхом. Сергей ничего не понял.

– Быстрее!.. – Схватив соседа за руку, Василий потянул его к окну. – Помоги взобраться...

Зная, что Василий выпивает, Сергей подумал, что у него началась белая горячка: вращающиеся безумные глаза, синюшного цвета лицо, без рубашки.

– Успокойся, Вася, – пытался он вырваться из его цепких рук. – Зайдем ко мне. Поговорим.

– Помоги же! – вырвался из груди Василия отчаянный вопль, перекрыв шум проливного дождя, и Сергей, облокотившись о кирпичную кладку, поставил ему свое крепкое спортивное тело.

В одно мгновение Василий взобрался на его плечи и кулаком стукнул по стеклу. Оно разлетелось вдребезги, а на голову Сергея упали капли крови.

– Олежа... Сыночек... – закричал Василий и исчез в проломе окна. – О люди! О Боже! – истошно вырывалось из разбитого окна.

Глава 2

Таня не спала. Прислонившись к стене и прислушиваясь к шумевшему за окном дождю, думала о детях. Как они там? Не будь сложных переломов руки, давно бы уехала домой и сама присмотрела за ними или хотя бы помогла Василию. Обещал не пить. Может, и не будет... Конечно же не будет, пыталась убедить себя, содрогаясь от порывов усиливающегося ветра; он стегал по окнам потоками дождя. Детям надо приготовить, накормить их, а еще постирать. С утра до ночи хлопоты... Когда там пить? Хорошо, что ему дали отпуск за свой счет. Справится как-нибудь, не ребенок.

Прислушиваясь к непогоде, Таня осторожно поправила на груди руку в гипсе, потрогала холодные пальцы, пошевелила ими и, не почувствовав боли, облегченно вздохнула. Как-нибудь перебьемся без денег, зато малыши будут присмотрены. Не обидит их Вася. Отец ведь... А вдруг не выдержит – выпьет? И заныла душа, и рванулась домой, словно кто позвал ее. Отчего бы? Темная ночь. Да и дети уже спят... Но тревога уже уселась на плечи и придавливала к земле. Тело знобило.

«Надо быстрее домой, – окончательно решила Таня. – Завтра же попрошусь у главврача провести деток. А сейчас, конечно же, они спят. Олежка во сне шевелит губками, точно грудь сосет. Покормил ли его отец кашкой? Катюша сама

попросит кушать. А Олежка...»

Прихватив зубами воротник больничного халата, Таня снова прижалась горячим лбом к холодному стеклу: тревога ее одолевала.

«Почему же так ноет и частит сердце? – пыталась она докопаться до истины. – Что оно чувствует? Неужто беду? Да ну, какая беда ночью?» – Прервав тревожные мысли, неслышно подошла к своей кровати и легла. В палате было тихо: женщины на соседних кроватях спали.

Через дверное стекло в палату проникал слабый свет.

«Олеженька... Сыночек... – шевелила Таня губами, стягивая левой рукой на груди халат. Ей было холодно: зябли руки, особенно пальцы сломанной руки, мерзли ноги. Что делать? И ей захотелось уже сегодня, сейчас же, сию минуту, быть дома, с детьми. – С ними что-то случилось... Что? Да нет же, вздор! Уже поздно. Олежка спит... Завтра увижу его...»

Прикрыв ноги одеялом, Таня поежилась, снова ругнула себя за дурные мысли, ничего, кроме смуты, не дающие, и прикусила до боли горячие губы. «Исхудает ребенок, – ослабленно подумала. – Едва ли Василий сумеет сделать все, как положено. И Катенька еще тоньше станет. Дети мои родные...»

Прислушиваясь к тихим шагам в коридоре, Таня беспокойно повела глазами, в которых почти месяц жила тревога. Бледное осунувшееся лицо и сама вся, словно подросток: ху-

денькая, настороженная, точно птица с перебитым крылом, подвешенным на марлевой повязке. Пожалей кто – так и зальется слезами, и выльет их много, очень много.

«Убежать... – мелькнула пугливая, как огонек свечки, мысль. – А что? Утром, чуть свет, снова прибежит. Лишь посмотрит на детей, лишь притронется к Олежкиным ручкам, узнает, что он здоров, накормлен, и прибежит обратно. Пешком. Какие ночью автобусы! Так и будет мчаться по городу с подвязанной рукой, не останавливаясь ни на секунду. Ей непременно надо быть там, с ними... Но... но почему надо? Не вчера, не позавчера и не завтра, а сейчас, вот в эти минуты? Ведь дети уже спят... А Вася? Спит ли он?»

Сбросив рывком с себя одеяло, Таня поднялась, села, склонив на колени голову: она видит перед собой Олежку в белой с голубыми петушками распашонке, в той самой, в которой он был последний раз, когда она уезжала в больницу; он тянет к ней ручки и громко смеется, выставив зубки и сузив синие, как васильки, глаза.

Ночь, перечеркнувшая все законы и устои дня, властно витала над уставшими людьми, спавшими и бодрствующими, умиротворяя их своей глубокой тишиной. Но Таню она пугала. К чему-то прислушиваясь, она осторожно опустила с кровати ноги, нашла тапочки, обула их и вышла в коридор: там, в конце его, за столом сидела медсестра и что-то писала.

– Что, не спится? – спросила она, увидев Таню. – Поздно уже. Отдыхать надо.

– Можно с вами посидеть, Полина Викторовна? Тяжко что-то, точно беду чувствую.

– Глупости говоришь. – Полина Викторовна подняла голову и увидела осунувшееся Танино лицо с темными кругами под глазами. Еще раз выразительно глянула на нее и покачала головой: – Небось, за ребятишками скучаешь? Не надо волноваться: твое состояние передается им.

– А от детей передается матери? – измученно спросила Таня, думая о своем.

– А как же? Кровные ведь люди, из одних клеточек, – делилась своими знаниями опытная медицинская сестра. – Я всегда чувствую, если что с моими мальчишками происходит. Как и все мамы. Закон природы.

– Меня сегодня что-то беспокоит. Дайте таблетку. Беду чувствую. Ох, чувствую...

– Какую беду, Танюша? – улыбнулись из-за толстых стекол очков добрые глаза пожилой женщины. – Дело идет к выписке. Да и муж завтра явится с ребятишками. Увидишь их – и все тревоги как рукой снимет.

– Мне надо сейчас домой, – прошелестела одними губами Таня. – Отпустите хоть на часик. Никто не узнает. К рассвету прибегу. Пожалуйста! Послушайте, как сильно бьется мое сердце. Никогда такого не было.

Взглянув на Таню и увидев ее растерянное лицо, Полина Викторовна поспешно открыла шкафчик, достала пузырек и накапала в стакан с водой двадцать капель валерьянки.

– Выпей и успокойся. Не одни ведь дети. Да и спят они. Сама еще дитя, хоть няньку приставляй, – добродушно вороча, подала Тане стакан.

– Да, спя-я-т... – как-то странно протянула Таня. – Должны... Может, Василий что... – и замолчала, пресекая свою мысль, чтобы не излить ее до конца перед чужой, хотя и очень доброй женщиной, годившейся ей в мамы, а то и в бабушки.

– Что, плохой отец? – повернулась к Тане Полина Викторовна. – В отсутствие матери все папаши добреют. А как же? У них появляется ответственность за детей. Мой Петр вырастил троих. Я на ночное дежурство, он – к ребятишкам. Выросли парни. Лучше не надо. А твой?

– Мой?.. – Тане не хотелось ворошить прошлое да и настоящее, глядевшее на нее из граненого стакана хмельными глазами, и ответила, чтобы прекратить неприятный для себя разговор:

– Мой тоже...

– Вот видишь. – Полина Викторовна взяла у Тани пустой стакан. – Иди спать. Как же, пришла беда – открывай ворота. Придумать все можно и настроение себе испортить, – шелестя бумажками, поучала Таню Полина Викторовна. – Не годится.

– Мне надо домой... Сейчас же... Отпустите. Или я убегу.

– Ты что, Татьяна? – сразу же посуровело лицо медсестры. Она сдвинула очки на лоб. – Отдыхать надо. Утро вечера

мудренее и его надо дожидаться.

Словно послушный ребенок, Таня поднялась и, не сказав больше ни слова, пошла по длинному полутемному коридору, миновав свою палату.

– Таня, куда потопала? – услышала за спиной беспокойный голос Полины Викторовны. Подняла голову, осмотрелась и поспешно вернулась, направляясь к своей палате.

...Сергей в страхе метался во дворе в поисках какой-нибудь подставки, чтобы самому залезть в разбитое окно, откуда несясь отчаянный крик Василия. Двор был пуст.

«А ведь в дверь можно постучаться», – мгновенно сообразил и, обогнув угол дома, взлетел на ступеньки и кулаками забарабанил в мощную дубовую дверь.

– Вася! Открой! Это я... Открой же!

– Олежка-а-а!.. Танечка-а-а!.. – несло из кухни, раздирая душу. – Помогите хоть кто-нибу-удь... Помогите-и-те-е-е...

Сергей бил в дверь уже ногами.

– Открой же, Вася! Быстрее! Это я...

Дверь распахнулась. Сергей увидел обезумевшего Василия. Он держал на руках безвольное красное тельце сына.

– В больницу!.. Скорее!.. – закричал он, натываясь на табуретки и прижимая Олежку к себе.

– Где одеяло? – Сергей опрометью забежал в спальню и вынес покрывало. – Искусственное дыхание надо делать. Клади его. Я умею. Давай сюда. Быстра-а-а!

– В больницу, га-а-д! Немедленно! – ревел и метался на кухне Василий. Он сорвал с вешалки куртку и накинул ее на плечи.

– Ребенка заверни... Я на улицу. Машину остановлю. А ты выходи...

Сергей выскочил во двор.

– Спасите сы-ы-на-а-а! – отчаянно рыдал Василий, заворачивая в покрывало мертвого Олежку. – О, спаси-и-те-е-е его, добрые люди-и-и...

Глава 3

Вздыхая и ворочаясь, Таня прогоняла от себя дотошные и навязчивые мысли, что копошились в голове, точно вороны на вспаханном поле.

«Что это я раскисла? Разве так можно? – пыталась избавиться от них и по-доброму завидовала соседкам, что тихо посапывали рядом. – Надо как-то отключиться...»

Вытянув ноги, заставила себя вернуться в свою прошлую жизнь, светлую и счастливую до знакомства с Василием и даже с ним вдвоем, пока он не пил, и тяжкую, с побоями и синяками, когда пристрастился к выпивке. Она была единственным ребенком в семье актеров. Помнит многие города, куда ездила с родителями на гастроли; помнит яркие букеты цветов в руках мамы-певицы и свое восторженное, наполненное радостными впечатлениями, детство. Всегда на ней были красивые платица, туфельки, в черных локонах – роскошные банты величиной с полголовы. И люди, люди, люди...

Десять классов закончила с золотой медалью и, влюбившись в двадцатичетырехлетнего Василия Петровича Мезенцева, своего учителя математики, вышла за него замуж. И потекли, словно поющие ручейки, счастливые дни, месяцы. Любил ее муж нежно и всесильно, гордился ею, молодой, неопытной, стыдливой: вот-вот слезы брызнут или крас-

ка прольется с зардевшихся, словно спелая вишня, щек; без устали говорил ей дивные слова о своей верной неиссякаемой любви. Она их восторженно принимала и купалась в своем счастье, как когда-то в глубоких водах Черного моря. Она верила мужу, ибо и сама любила его больше своей жизни: ее черно-бархатные глаза, прячась за густые темные ресницы, сияли, как две яркие звезды; он их целовал – и они сияли еще ярче. Два года пролетели, как два дуновения весеннего ветерка. А потом... А потом на ее глазах неожиданно все начало рушиться. Василий попал в водочные сети. Когда это началось? И почему водка пересилила его крепкий волевой характер и его любовь к ней? Ни ее руки, нежные и горячие, ни ее черные, как летняя ночь, глаза, ни страстные слова и молодое зовущее тело не смогли отнять его от водки. Потом она боролась уже не за свою и его любовь, а за обыкновенную жизнь, которая постепенно рушилась, разбиваясь о бутылки и стаканы, заполненные горьким зельем. И рождение дочери не вырвало его из омута, в котором нежданно-негаданно стал тонуть. И даже сын не помог ему избавиться от алкоголя. А дальше что?..

Измученная нахлынувшими воспоминаниями, Таня протяжно всхлипнула и, стараясь, чтобы не скрипнула кровать, повернулась на левый бок. Стучало в висках, учащенно бился пульс.

«Наваждение какое-то, – сказала себе вслух. – Прилипло как банный лист.»

Поднялась, накинула халат и снова вышла в коридор.

– Не спится мне... – пожаловалась Полине Викторовне тихим голосом, и та, вскинув густые с проседью брови, наморщила высокий лоб: она искренне жалела эту молодую, чем-то встревоженную и, как ей показалось, обиженную женщину.

– Выпей снотворное. Вбила себе в голову чепуху на ночь глядя. Нельзя так. Тебе быстрее поправиться надо. Если будешь хандрить, хуже будет. Не выпишут еще неделю, – поучала Таню уставшая и сморенная возней с бумагами и борьбой со сном Полина Викторовна. – Болит что-то? Или к мужу захотела? Молодо-зелено... Сама такой была. И боль тогда – не боль и...

– Тише... Тише... – вдруг заволновалась Таня, схватив руку Полины Викторовны. – Кто-то внизу разговаривает. Какое-то волнение, беготня... Слышите?

– Мало кто-о-о, – совсем спокойно, не поднимая головы, ответила Полина Викторовна, шелестя листочками чьей-то истории болезни. – И ночью люди поступают. Это же больница. – Она разогнулась, вытянула уставшие и отекавшие ноги. – Давай, Танечка, лучше чайку попьем. Он взбодрит и тебя и меня. Скоро полночь, а дождь полощет, как из ведра. Землю на метр расквасил. – Она наклонилась, достала из тумбочки термос. – И ночь быстрее пройдет. А завтра твой благоденный придет. И детки твои с ним.

– Н-не-ет... – очень странно и совсем отрешенно прозвуч-

чал Танин голос. Не сказав Полине Викторовне больше ни слова, она встала и пошла по коридору, придерживая руку в гипсе, затем торопливо спустилась на первый этаж, где была приемная, и увидела своего соседа.

– Сережа... – окликнула упавшим голосом. – Почему ты здесь?

– А-а-а, Таня, – обернулся Сергей на ее голос. – Там... там Василий... – Он показал глазами на дверь. – Он... он... с Олежкой... – Увидев Талины глаза, замер, шагнул к ней, взял за руку, но она отчаянно дернулась и открыла дверь в приемную. Первые секунды ничего не видела, кроме спины мужа.

– В-вася... Что случилось?

Василий оглянулся, увидел жену и повалился ей в ноги.

– Таня... Танечка... – хватал он ее за колени. – Убей меня... Убей негодяя... Олежка вон... – и зарыдал, цепляясь за ее халат и сползая вниз.

– Что Олежка? Что? – Таня повела испуганными глазами и на кушетке увидела неподвижное тельце сына. Оттолкнув склонившегося над малышом врача, кинулась к нему и закричала.

У порога без движений лежал Василий.

Глава 4

Шли годы... И отлетали вдаль, словно птичьи стаи, весна за весной, осень за осенью; уходило в прошлое время, сотканное из радостей и печалей, теплых ветров, седых ливней и белых метелей. Взрослели дети, старели взрослые, и беспокойная жизнь, получая удары, раны и оставляя на своем теле шрамы, билась и билась о житейские преграды, как волны о прибрежные скалы, не находя выхода.

Через открытую дверь Катя видела отца. Согнувшись и охватив голову руками, он сидел за кухонным столом, заставленным грязной посудой, среди которой стояла бутылка водки, пустой граненый стакан, и, пуская слюну, что-то бормотал. Что? Катя не могла понять да и не хотела. Она знала лишь одно: отец пьян. В последние годы, похоронив свою жену, умершую в страданиях, он пил ежедневно. Перебиваясь поденными работами и пропивая последние гроши, он жил на краю своей гибели.

Прошло почти тринадцать лет с тех пор, когда по его вине в закипающей воде скончался ее братик Олежка, и больше семи лет, как не стало мамы, не вынесшей постигшего ее горя. Она долго болела, чахла, горюя по сыну и страдая от пьяного мужа, устраивающего дома постоянные скандалы и погромы. Он бил стекла, посуду, а когда Таня с дочкой убегали к соседям, звал Олежку; ночью жутко стонал, скрипя зубами.

ми, проклинал себя и свою непутевую жизнь, а потом, под утро, засыпал, где попало, и во сне снова выкрикивал имя сына. А на завтра вставал перед женой на колени, бил себя в грудь, божился, что отныне начнет другую, трезвую, жизнь, если она простит его. Она не могла ему простить ни смерти сына, ни своего унижения и, люто ненавидя мужа всем сердцем и разумом, уходила в кладовку и давала волю слезам. Там и умерла, не сказав ни слова ни мужу, ни дочери. Никто не видел ее мучительных последних часов. Катя в то время была в школе. Помнит, как бежала домой без портфеля и без пальто, хотя на улице было довольно прохладно, и кричала. Ворвалась в комнату: мама лежала на кровати, точно подросток, худенькая и маленькая, спокойная и уже безучастная ко всему, а у ее ног стоял на коленях отец. Были и другие люди, но Катя никого не видела – упала на грудь мамы и забилась в судорожных рыданиях.

И началась ее подростковая трудная жизнь. И готовила сама, как учила мама, и убирала квартиру, и стирала, зная, что кроме нее, никто этого не сделает, и училась в школе. Неделью-другую отец не пил, ни с кем не разговаривал, а потом начался запой. Вот и сегодня...

Оторвав глаза от книги, Катя снова взглянула в сторону отца: небритый, грязный, опустившийся, он вызывал у нее ненависть. И все же она заставляла себя ухаживать за ним и отчаянно просила его бросить пить и лечиться. Отец был неумолим. Утром, не завтракая, выкуривал несколько

дешевых сигарет и уходил на работу. Из школы его давно выгнали, и теперь он разгружал в продовольственном магазине товары, проливая сто потов; в короткие минуты отдыха жевал хлеб, печенье, запивал водой, а вечером возвращался домой, одним махом выпивал стакан водки и проливал уже слезы. Катя, не выбирая слов, ругала его, грозилась бросить все и уйти в общежитие, где ей предлагали место. Она знала: плачет не отец, а водка, и нелюбовь к нему усиливалась. Много раз пыталась бороться с этим чувством, убеждая себя, что этот спившийся человек – все-таки ее отец, что он теперь болен и ему нужна помощь и особая забота. Знала, но не могла найти в своей очерстневшей и огрубевшей душе сострадание к нему. Она уже училась на втором курсе ПТУ, осваивая профессию швеи.

– Ка-а-тька-а! – позвал Василий Петрович, стараясь удержаться на старой табуретке. – Иди сюда, стерва.

– Сам такой. Метки негде ставить.

– Побью. Слышь?

– А я сдачи дам.

– Что сказал?

– И я сказала. – Катя прикрыла лицо книгой, сжав до боли зубы, чтобы не вырвались более хлесткие слова. – Что надо?

Василий Петрович стукнул по столу кулаком и зашипел:

– Овца бесхвостая... Ну-у-у! Зову же...

Отложив книгу, Катя запахнула на груди халат и неторопливо вышла на кухню. Отец поднял лохматую голову, повел

мутными глазами:

– А-а-а... Ты уже здесь? Ла-адно... – Он пытался повернуться к дочери, но локоть соскальзывал со стола, и он каждый раз клевал носом. – Мне... мне стакан...

– Не стакан, а плеть. Иди спать, пьянчуга!

– Посиди со мной, Катька, – вдруг обмяк Василий Петрович и протянул к ней руку. – Плохо мне... Ох, как плохо! Душа болит... Вот здесь, вот... – Он дотронулся рукой к груди. На его посиневших губах пузырилась слюна, а на одутловатом лице проросла густая щетина; в глазах – боль и безысходное отчаяние. – Сядь, дочка. Помоги мне выжить. Ну, помоги! Погибаю ведь... Не видишь, что ли?.. Погляди на меня!

– Сам виноват. Посмотри на себя. Опустился до последней черты. Смотреть противно... – Катя все же присела на стул. Не собираясь долго выслушивать отцовские бредни, взяла со стола бутылку, чтобы вылить остаток водки в раковину, как делала не раз, но ее остановил осатанелый окрик:

– Не трожь, стерва! – Василий Петрович выхватил из рук дочери бутылку, поставил снова возле себя, намертво облапав ее длинными худыми пальцами. – Не трожь! Не твоя. Руки обломаю. Я... Мне теплее с ней. Мать вспоминаю... Таньку... – Скривив губы, он пустил слюну, засопел и закачался, словно маятник. – Что же она оставила нас? Тебя вот... Лучше бы я в могилу вместо нее... Между прочим, дочь, между прочим, я любил ее... Всегда... И сейчас тоже люблю...

– А почему же скандалил каждый день? – Катя в упор по-

смотрела на небритого осунувшегося отца. – Почему дрался? Фонари под глазами ставил? Гонял нас летом и зимой. И загнал маму в могилу. Сам бы туда...

– Я...я не гонял ее, Катька, – еле ворочал языком Василий Петрович. – Хотел с ней... ну, с Танькой, объясниться, а она мне в морду... в морду... и убегала... – А я за ней следом... По любви я... – Он с трудом поднял голову и посмотрел на дочь: – Давай выпьем, а-а-а?

– Ты что, рехнулся или у тебя не все дома? – напряглась Катя. – Хватит того, что ты в детстве подсовывал мне это проклятое зелье. Пробовала его и в пять лет, и в десять. По твоей вине я вот такая: нервная, грубая, невоспитанная. А ты еще предлагаешь выпить. Разве ты отец?

– Оно какось лучше с ним... с ней... – Василий Петрович налил в стакан немного водки и придвинул к дочери: – Выпей. Полегчает... И не ругайся. Ты же девочка. Ты моя дочка-а-а. Нельзя-я-я!

Катя сидела неподвижно. Она устала от бесконечных нетрезвых излияний отца, от его слез и требований не лишать его рюмки; устала уговаривать его остепениться и не пить; сама стала дерзкой и неуправляемой, злой и колючей, не видя впереди выхода из ее непутевой жизни. Она сидела, не шевелясь, а напротив нее безвольно обвис отец: серое измученное лицо, густая львиная копна давно не стриженных и не мытых волос, острый синюшного цвета нос, слюнявые вывернутые губы. Она могла бы вызвать милицию,

чтобы его забрали и наказали, но ведь не чужой он ей? Когда-то был умным и красивым, хорошим математиком, а сейчас? Что делает с людьми водка?

Катя понимала, что должна помочь отцу подняться, раздеть его и уложить на диван, как это делала не один раз до этого, но не могла. С брезгливостью слушала пробивающийся откуда-то, будто издалека, ненавистный голос отца, ставшего ей чужим, смотрела на него, слюнявого и безвольного, заросшего рыжей щетиной, на грязные пальцы, так и не отпустившие бутылку с водкой, многие царапины на них, запекшуюся кровь, обломанные корявые ногти, и ей был совсем безразличен этот опустившийся человек. Она каждый день не из-за любви к нему, а по долгу дочери заставляла его мыться и надевать чистую рубашку, но в ответ он кривил губы, отмахивался, мол, у него теперь такая должность, что и в этой хорошо. Уходил на работу утром, шаркая стоптанными башмаками – новые он обувал лишь на кладбище, когда ходил на могилки жены и сына.

– Танька-а-а! Слышь, Танька? – Василий Петрович поднял голову, не соображая, где он. – Что молчишь? Олежка кушать хочет. Плачет... Гляди: ручки тянет... О, рученьки красные... О, маленькие ладошки...

– Хватит! – отчаянно крикнула Катя. – Надоели твои бредни! – Она порывисто встала и ушла в спальню. Не снимая халат, легла на кровать и зажала уши пальцами: отец все еще плакал и звал сынишку.

Как жить дальше? Что делать? Измучилась, исстрадалась, а выхода не видно. Засосет трясина, унесет омут и где-то выбросит на свалку. А тогда что? Может, попроситься в общежитие? Не откажут: многие там знают о ее трудной жизни. Девочки взяли бы к себе в комнату. Да и мастер Галина Михайловна не раз уже предлагала перейти к Зине и Наташе. Ей, конечно же, там будет лучше, а отец? Как его бросить в таком состоянии? Кто ему приготовит, стирает? Кто будет бороться за него до самого последнего шанса, пока он еще есть? Оставить его – значит, совершить преступление. Она этого не сделает. Не сможет...

На кухне загремела опрокинутая табуретка – и в дверях показался отец.

– К-катька... Дочь моя... – Заплетая ногами, он шел к ней. – Не гони меня. Я так одинок... – Он присел на кровать рядом с дочерью.

– Иди отсюда! – Сдерживая свой гнев, сказала Катя и толкнула отца. – От тебя самогоном прет.

Пытаясь снять с рубашки торчавшие от оборванной пуговицы нитки, Василий Петрович пыхтел, тыкал пальцами то выше, то ниже и, казалось, напрочь забыл о дочери.

– И не п-поймаешь... А на-а-да... Шевелятся точно черви... – бормотал себе под нос. – Э-тэ-тэ! Как прыгают... – Наконец, нащупал бело-грязный узелок и дернул.

– Уйди отсюда! – сузила глаза Катя. – Надоел хуже горькой редьки. Мне заниматься надо.

– Не гони меня, Катька. – Василий Петрович смотрел на дочь и не видел ее. – Не имеешь этого... права... Я кормлю тебя... Жрешь, жрешь, а еще хвост задираешь...

– Уйди-и-и! – закричала Катя, сжав голову руками. – Или я уйду. Надоели твои упреки. За хлеб и картошку я верну тебе деньги, как только стану работать. До рубля, до копейки.

– Н-не-е-е! – заупрямился Василий Петрович. – Мне сейчас нужны деньги... Дармоедка-а-а... Шлю-ю-ха-а...

Катя дернулась.

– Не смей меня так называть! Кроме училища, я нигде не бываю. Я раздета и раззута. Я нищая... Ты все деньги пропиваешь... Взгляни на мой халат: заплатка на заплате, дырка на дырке... – Она задела пальцем одну из них, дернула, разорвав полу халата снизу доверху. – Что я ношу? Обноски, хламье... Да и не каждый день в доме есть хлеб.

Василий Петрович качнулся, широко расставив ноги.

– Тебе ф-фигу, а не хлеб... На-на-на! – и поднес к ее лицу комбинацию из трех пальцев. – На-а-а выкуси, голопузая!..

Собрав все силы, Катя вновь толкнула отца, и он, стягивая одеяло и отчаянно матерясь, сполз на пол, а она, запахнув разорванный халат, соскочила с кровати. Перешагнув через отца, вышла на кухню, под села к столу, пошарила вокруг глазами и наткнулась на бутылку. Схватила ее, добежала до раковины и со злостью ударила о ее края. Осколки разлетелись во все стороны. Остро запахло самогоном.

– Что же это творится? – отчаянно воскликнула Катя

и сжала, негодуя, зубы. — Как быть? — Дрожа и всхлипывая, подошла к окну и упала головой на подоконник, сотрясаясь от рыданий.

«Мамочка-а-а! Встань и посмотри на меня. На кого я похожа? Зачем родила и оставила меня одну? Что я видела в жизни? Водку и брань... До сих пор в ушах крик Олежки в закипающей воде да пьяные бредни отца. Забери меня к себе, мамочка, забери... Что завтра меня ждет? У кого искать помощи? Кому я нужна? Отец пьет и попрекает меня куском хлеба. Возьми меня к себе, мамочка, возьми... Я так не могу жить... Я кушать хочу... Почти каждый день голодаю...»

Еще долго рыдала Катя, а в спальне, ползая по полу, плакал и звал Татьяну отец.

Глава 5

Густой темно-синий туман на ощупь пробирался через горы и доли, сквозь леса и рощи, через сонные, то вздыхающие, то всхлипывающие реки, что несли свои воды, мелкие и глубокие, чистые и мутные, в русла своих старших сестриц, а те в свою очередь – в озера, моря и океаны, преодолевая на своем пути многие и многие километры истощенной земли.

Рассвет был мрачным. Разгоняя ночной мир, он долго шел к людям оттуда, где в муках был рожден. Пора бы появиться солнцу, но его не было: там, у самой кромки земли, подминая друг друга, собирались черные, точно стаи грачей, лохматые тучи, закрывая собой весь горизонт. Из-за них пытались выбраться солнце, да не было у него сил сходу разогнать эту темную клубящуюся массу. Наконец, рванувшись, оно ярко сверкнуло и начало медленно взбираться на голубой простор неба, а затем, радуясь и искрясь, заглянуло в окно, обласкав озябшее Катино тело. Облокотившись на подоконник, она крепко спала.

Василий Петрович стоял в дверном проеме и курил папиросу. Он с трудом вспоминал, что натворил вчера, и хотел было разбудить дочь, стать перед ней на колени и вымаливать прощение, но не мог сдвинуться с места. Грыз папиросу, глотал едкий дым и в который раз проклинал себя

и свою жизнь-злодейку. Это она, водка, делает человека скотом и лишает его силы и разума; это она приносит людям несчастья и страдания. Сгорбившись, зашел в спальню, взял с кровати покрывало, неслышно подошел к дочери и прикрыл ее. Затем сел за стол, долго разглядывал пустой стакан и мысленно вернулся в то далекое, как ему казалось, время, когда он, Василий, был любим Таней и когда он, Василий Петрович, был уважаемым человеком, мыслящим математиком и примером для других. Рванулся, словно освобождаясь от цепей, желая схватить бутылку и разбить ее вдребезги. На столе ее не было. Смутно, точно во сне, помнил, как вчера пил и плакал, звал сына и жену, оскорблял дочь. Скрипнув зубами, достал из кармана куртки записную книжку, вырвал чистый листик и поспешно написал: «Прости, дочь, если можешь». Подошел к окну и положил записку у ее руки.

Катя проснулась, когда отец закрывал ключом дверь. Подняла голову, огляделась и вспомнила, что произошло вчера. Нет, она не простит отца! Больше того, сейчас же уйдет из дома, чтобы никогда больше в него не вернуться. Вот только оденется, соберет свою одежду и покинет родной уголок, где родилась и где познала столько горя. Мастер Галина Михайловна выделит ей какой-нибудь закуток, где можно будет заниматься и спать, или же разрешит поселиться в одной комнате с Зиной и Наташей. Уйдет она к чужим людям и будет жить сиротой при живом отце.

Есть родственники, но они живут бедно и далеко.

Движением плеч сбросила с себя покрывало, потянулась и увидела листочек. Не притрагиваясь к нему руками, словно он источал яд, прочитала неровную строку и отвернулась.

– Пьянчужка! Будь ты проклят! – не то подумала, не то произнесла вслух и, чтобы отвязаться от слов, которые только что прочитала, с силой дунула на белый клочок бумажки, и он улетел за тумбочку. Перешагнув через покрывало, зашла в комнату, распахнула дверцы шкафа и стала одеваться. Серое платье с вязаным воротником и манжетами было маловато, и все же она одела именно его. Достала чемодан, вытряхнула из него на пол отцовские шмотки и сложила свои.

Затем накинула на плечи выгоревшую и выдавшую виды сиреневую кофточку. За зимними вещами решила не приходить: как будет, так и будет. До зимы еще дожить надо.

Катя плотно прикрыла за собой дверь, повернула в замке ключ и вышла во двор.

На улице было прохладно. Серые космы туч, клубясь, уходили на запад, а там, на востоке, всплывало солнце. Еще горела у подъезда одинокая лампочка, и Катя вернулась в коридор и нажала на выключатель. Спустилась по ступенькам, пересекла двор и тихо прикрыла калитку. Улица была пока пустынной. Сбавив шаги, вдруг оглянулась, нашла глазами свое окно, выходившее во двор, и что-то зашептала, шевеля воспаленными губами: прощалась ли с ним, проклинала ли – кто знает?

Глава 6

Уже три недели жила Катя в общежитии ПТУ. В первые дни была замкнута, отвечала на вопросы подруг и учителей односложно, вечерами никуда не выходила. Все знали, что ее мама умерла, а отец выпивает, и искренне жалели молодую девушку. Подруги предлагали ей свои платья, обувь, приглашали в кино, на танцы, но Катя благодарно от всего отказывалась. В отсутствие Зины и Наташи убирала уютную комнату, мыла окна, двери, пол. Затем садилась за учебники. Ей нравилась тишина: никто не кричит, не ругается и не попрекает ее за кусок хлеба. С удовольствием слушала по радио музыку, к которой тянулась с самого детства, и на время забывала обо всем на свете: и о том, что сама голодная и раздетая, что живет на подачках подруг и учителей, что бросила отца на произвол судьбы, и кто знает, что с ним в эти минуты; что ночами плачет в подушку и зовет мать. Ей казалось, что она становится от музыки взрослее и добрее и готова помочь всякому, кто в этом нуждается. Набегали слезы, когда пели и плакали скрипки, и она хотела, чтобы, музыка не прекращалась.

Мысленно уносилась в свое детство, когда еще была жива мама. Она-то и приучила ее любить музыку, в основном, симфоническую, и эта любовь с годами усиливалась. А когда затихали многочисленные инструменты, создававшие насто-

ящее волшебство, какое-то время не двигалась, не желая возвращаться в свою неустроенную жизнь, серую и унылую, но эта жизнь была неотъемлема от нее, и она с жалостью входила в нее, вздыхая и проклиная свою непутевую судьбу. Об отце старалась не думать. И все же изредка приходила в голову тревожная мысль: как он там один? Пересилит ли себя, откажется ли от выпивки, потеряв из-за нее сынишку, потом жену, а теперь и ее, единственную дочь? Гнала от себя тяжелые воспоминания, боялась их, но все чаще ловила себя на том, что переживает за отца. Были такие минуты, когда хотелось забежать в свой родной дом, спрятавшийся в старом яблоневом саду на окраине города, где жил он, одинокий и несчастный, поднять его, погибающего в водочном угаре, уложить в постель, чтобы он не спал на столе или на полу, но сердце, вспомнив прошлое, начинало протестовать: нет, не отец ей тот пьяный, небритый, постаревший мужчина, который попрекал ее куском хлеба и обзывал дармоедкой и шлюхой.

– Ах, Катюша! – щебетала ей поздно вечером Зина, вернувшись с Наташей с танцев. – Так весело было! Музыка, вино, парни... Ах-ах-ах! – и поднимала тонко выщипанные брови.

– Кто весел, а кто нос повесил. – Наташа посмотрела на Катю: – Напрасно не пошла с нами. Годы-то шлепают по лужам да все мимо и мимо. Потом не догонишь.

– Ну и что? – сдвинула плечами Катя. – Мне тишина по ду-

ше. Да и подтянуть учебу надо. Тройки и даже двойки пошли.

– Всему, чудик, свое времечко, – неопределенно высказалась Наташа. – Сердцу ведь не перекроешь кислород.

– Днем – учеба, вечером – кх... горячая любовь, – поддержала ее Зина. – А любовь – не картошка.

Наблюдая за возбужденными подругами, Катя грустно улыбнулась.

– Вы, девчонки, треплетесь, точно расстроенные балалайки.

– Ну ты, брось! – дернула расческой взбитые кудри Зина и ойкнула. – Сама-то ты заплесневела. Мхом скоро покроешься.

– Дольше сохранюсь. Зато вы разбазариваете себя: вчера были одни парни, сегодня – другие. А вы все хохочете.

– А тебе-то что? – нахмурила брови Наташа. – Сама не гам и другому не дам. Вот послушай. Спросила как-то соседка подругу: «Курица-наседка, что яйца насиживаешь?» «Пытаюсь...» «Но цыплят без петухов не бывает». «Разве?»

– Хи-хи! – брызнула смехом Зина, прикрыв рот ладошкой, и тут же погасила его: – Рви мысли, девы! Надоел звон с ваших окон! – и, наклонившись к Кате, зашептала: – Парни были модненькие, шустренькие, в карман за словом не лезут.

– А от них сивухой не тянуло? – спросила Катя. – Она развязывает не только языки, но и многое другое.

– Само-собой! – снова хохотнула Зина. – Там почти все

такие: дерьмо с дерьмом в паре и рядом опять оно. Хапают ручищами... – И вдруг напустилась на Катю: – Чего разлеглась, как дома? Подвинь корму!

Освобождая Зине место на кровати, Катя придвинулась к стенке, отметив про себя, что Зина и Наташа грубы и в выборе друзей не разборчивы, и ей надо иметь это ввиду.

– И вы радуетесь этому? – спросила, не поворачивая головы. – Если в таком возрасте употребляют водку, то что же будет через пять лет, десять? При градусах оскорбить девочку проще.

– Получат сдачи точно такого же содержания, а то и ярче, – сверкнула зелеными глазами Наташа. – И у нас язык не заржавеет.

– Оно и видно, – вздохнула Катя. – А мне, девочки, нужен покой, хотя бы первое время. Сделайте одолжение. Хочу отдышаться от всего, что было. – Она повернулась к стенке, закрыла глаза, требуя от себя спокойствия: «Куда попала? Развязные девицы: ни скромности, ни культуры. Словом, хамки...» «А ты лучше них?» – спросил изнутри чей-то голос, и Катя согласилась с ним. Резко повернувшись на кровати, неожиданно прикрикнула: – Хватит базарить! Тушите свет!

– Шпана, не командуй! Приняли тебя на свою жилплощадь, вот и сопи в две дырочки и не высовывайся.

Катя притихла. Сжимая и разжимая пальцы рук, старалась от неприятного разговора отвлечься и успокоиться.

– Катька. А мы их пригласили к себе, – вдруг доверитель-

но шепнула Зина. — Двоих. Завтра будут.

— Кого их? — подняла голову Катя и, не получив ответа, повысила голос:

— Кого их? Кого?

— Ну, парней. Познакомились с одними...

— А, может, уже с пятыми? Какая-нибудь посредственность, а то и того хуже, а вы, дуры, уже сегодня радуетесь. Как не стыдно!

— У нас стыда, что волос на камне, — в который раз хихикнула Зина.

— Сейчас бы... Э-э-эх! — и вздохнула: — Два раза, девоньки, молоду не быть.

— Бесстыжих глаз и дым не ест. Ни ума, ни скромности.

— А ты? Ты-то сама кто? — повысила голос Наташа. — Ни спереди, ни сзади. Да и на птичьих правах. Заткнулась бы лучше.

Наступило неловкое молчание.

— Дайте закурить, — через некоторое время попросила Катя, попробовав первую папиросу здесь же, в этой прокуренной комнате. — Тошно от вас...

И курили они, и дерзили друг другу, то сталкиваясь в споре, то безудержно хохоча.

Неумело затягиваясь сигаретой, Катя глотала дым, надрывно кашляла и, ненавидя все, что ее окружало, напрочь убивала в себе появившуюся было искру протеста против неудавшейся жизни, против словоохотливых и несерьезных

подружек. Горечь не убавлялась. Выхода из тупика, казалось, не было. И решила она просить у Галины Михайловны помощи и защиты.

А на следующий день вечером впервые увидела Валеру и Эдика, которых пригласили подруги. Модные, наглые, они курили дорогие сигареты и сыпали пошлыми шутками.

Зина и Наташа, похохатывая, отвечали такими же подсолненными словами, и велся пустой, никому не нужный разговор; молодые люди убивали время. Катя мрачнела и помалкивала. В это время ей очень хотелось уйти отсюда, куда глаза глядят, чтобы поскорее удалиться от трясины, перед которой стояла, но, подавив вспыхнувшее было желание, внимательно разглядывала парней и слушала их болтовню. «И я с такими в одной упряжке и качусь вниз по наклонной, — упрекала себя, и ей было страшно. — Надо что-то делать, искать выход. Какой он? Где он?»

Вскоре Эдик вытащил из дипломата бутылку водки. Приличной закуски не было. Горкой лежало дешевое печенье и несколько мелких орехов. Вместе со всеми выпила рюмку спиртного и Катя. Где-то там, внутри, стало понемногу теплеть, в ушах зашумело, и ей вдруг захотелось плакать. А еще появилось желание посетить могилки мамы и братика. Она не часто ходила на кладбище — выбиралась лишь тогда, когда было невмоготу. Сегодня как раз был тот день и тот час. Ей непременно надо рассказать маме о своей горькой жизни, о том, что не всегда у нее есть хлеб и молоко, что порва-

лись туфли и не за что купить новые, что не видит ни одного светлого дня, что опускается в трясину все глубже и глубже. Но вопреки своему желанию осталась здесь и не показала перед соседями, что развлекались рядом с ней, ни одной слезы, ни одного вздоха. Дернула головой, вышла из-за стола и повела плечами.

– А теперь танцевать! Кто смел? Выходи!

Зная, что никакой музыки не будет, начала лихо отплясывать цыганочку, подпевая себе. Начальные медленные и плавные движения постепенно переходили в быстрые; вот уже перестук каблучков сливается в ритме с движениями гибких, как ветки лозы, ее рук, и Катя, разругавшись, прошла мимо парней и девочек, умело двигая плечами.

«Ох и девка! – подумал Эдик, ощупывая бегущими глазами стройную фигуру темноволосой девушки. – Не грех бы закинуть удочку. С такой не состаришься».

– Что уставился, будто кот на мышку? – заметив горящие глаза прилизанного парня, спросила Зина. – Не по твоим зубам. Это точно!

– Хм-м! Все вы по моим! – уверенно ответил Эдик и выпятил тощую грудь, обтянутую сплошными карманами и молниями красной рубашки. – Лишь захочу... От слов до дела у меня – один шаг. Р-раз – и я на коне, вернее, на...

– Ну ты, полегче! – оборвала его Зина. – Сбавь обороты!

– А, может, ты прикроешь свой сто раз целованный ротик? – Валера скривил пунцовые губы и со свистом выдох-

нул: – Фу-у-у! Радоваться надо, что мы навестили золушек в этой хибаре с разбитым корытом. Ха-ха-ха! Верно, Эд?

– И... и... – подыскивал нужные слова, чтобы нахамить, Эдик, – этих русалочек с потертыми хвостами.

– Заморыши, заткнитесь! – резко притормозила возле стола Катя. – Хватит упражняться в хамстве! – Опрокинув стул, она подошла к двери, приглашая парней к выходу: – Топайте отсюда, пока вас дрянной метлой не вывели. Отзвонили – и долой с колокольни!

– Это, по-твоему, колокольня? – захлебнулся смехом Валера, разглядывая маленькую мрачную комнатку. – Это же забегаловка! Нет, это... это ночлежка.

– И... лошадки, – добавил Эдик, кидая наглые взгляды на Зину и Наташу. – На двух, серых и послушных, и кнута не надо, а вот на чернявенькую – уздечка нужна, крепкая, с острыми шипами.

– Вон отсюда, пошляки! – негодуя, потребовала Катя. – И обходите этот дом стороной, чтобы на вас из окна я не вылила помой. От свиней визгу много, а шерсти никакой.

Парни ушли, заливаясь на лестнице хохотом.

– Ну что, девочки? – после некоторого молчания спросила Катя, подавляя в себе горечь от проведенного вечера. – Моденькие, шустренькие, за словом в карман не лезут... Эх вы, вертихвостки! Получили по заслугам? К этому вы и стремились.

Девушки молчали.

– Высказывайтесь, высказывайтесь! – требовала Катя, и в ней шевельнулась глухая тоска: вот и услышала на себя характеристику. Докатилась... И впервые познала стыд. Пытаясь избавиться от него, напирала на подруг: – Почему молчите? Язык устал, что ли? У вас же он бежит впереди ног. Нет бы попридержать его...

Теребя рукав ситцевого платья, Зина кривила ярко накрашенные губы, прятала под накрашенные в избытке ресницы потухшие глаза.

– Язык за веревку не привяжешь. Да и булавкой не приколешь, вот и болтается, – миролюбиво ответила Наташа, чувствуя свою вину перед подругой. – Ну что теперь? Давайте лучше допьем, что осталось. Станет веселее... Разрешаешь? – и повернула голову к расстроенной Кате.

– Валяйте! – думая о своем, ответила Катя, удерживая под ресницами слезы. – Отмывайте свои грехи.

Пока Наташа разливала по рюмкам оставшуюся водку, Катя следила за ней и в душе протестовала: всю свою жизнь, сколько помнит, жила рядом с пьяницей-отцом, слышала его окрики, мат, видела в слезах и синяках несчастную мать. С самого детства ее неокрепшая решимость и хрупкая воля что-то изменить разбивались, как о темную неприступную скалу, о граненые стаканы, наполненные спиртным. И вновь это зелье и скользкие ступеньки вниз...

– Эх, была-не была! – Зина поморщилась, выдохнула из себя воздух и поднесла рюмку к губам. – Не пропадать же

добрю. Верно?

Катя выпить отказалась.

– Ну и мразь! – передернулась, жуя печенье. – Ну и сволочь!

Нельзя было понять, кому она адресовала эти слова: водке ли, своему отцу или непутевым парням – и девушки ждали, что же она скажет еще.

– И где вы их откопали? – спросила, и они поняли, о ком идет речь. – Ну и ну!

Размышляя о том, как ублажить Катю, Зина придвинулась к ней поближе и обняла за худенькие плечи.

– Это, Каташа, современная молодежь. Не вся, конечно, но большая ее часть. Работать – руки не с того места выросли, зато язык, что помело, и в рот не лезет. Тьфу-у-у!

– Дело не только в языке, – помрачнела Катя. – У них в голове – пустота. Причем, навсегда! Так и будут жить, рассыпая вокруг себя пошлятину, от которой и мухидохнут.

Наташа собрала со стола рюмки, пустую бутылку, протерла влажным полотенцем клеенку и повернулась к поникшей Кате:

– Успокоилась, да? Или еще будешь митинговать в пользу бедных?

– Нет, не буду, – с грустью и какой-то недосказанностью промолвила Катя, решив для себя высказать все, что наболело, в другой, более подходящий день. – Уму непостижимо! – воскликнула вроде для себя одной. – Одним словом, деви-

чий стыд. А дальше что? Что дальше?

– Если бы знать все заранее. Если бы!.. На лбу ведь не написано, кто есть кто. – Наташа, как и Катя, была подавлена.

– Делайте для себя выводы. Для меня лично – это наглядный урок, что обозначает: гляди в оба да не плошай. Пропади все пропадом! Гори синим огнем! Сгинь сегодняшний день!

А через несколько минут они уже пели. Склонившись друг к другу и гася слезы, взволнованными голосами тревожили тишину поздней ночи, и гуляла песня по комнате, то натываясь на стены, то отталкиваясь от потолка, чтобы ослабнуть у открытой форточки.

– Спойте о маме, – вдруг попросила Катя, посуровев лицом.

– Я лучше прочитаю тебе стих. Сжав голову руками, Катя молчала.

Тревожно зазвучал Наташин голос:

Слышишь, мама? Тучи снова в споре:

Ты ушла – и солнце за тобой.

Домик наш завесил окна горем

И застыл печальною судьбой.

А, бывало, я к нему спешила

И несла ошибки и вопрос.

Ты, как врач, всю боль мою лечила,

Отнимала бережно от слез.

Зина отчаянно замахала руками, но Наташа продолжала,
понизив голос:

Говорила: вдруг крыло поранишь,
Торопись в свой домик – помогу:
Я пришла, но ты уже не встанешь...
Я разбилась... Крылья на лугу.

Мама, мама! Горя я не прячу:
Ты мне больше не откроешь дверь.
Много ран, глубоких и горячих,
Но нести их некому теперь...

Уронив голову на стол, Катя безутешно рыдала.

Глава 7

Отлетел куда-то на запад еще один осенний день со стайками белесых облаков, с последними лучами заходящего солнца. Высыпали на темно-синий бархат неба яркие звезды и, казалось, наступила самая благодатная пора для влюбленных.

Катя с разрешения Галины Михайловны сидела за швейной машинкой в большой комнате на втором этаже училища и шила Наташе платье. Перестук иголки успокаивающе действовал на неуравновешенное состояние ее души. Скроив платье по собственному чертежу и получив одобрение подруги, старалась выполнить заказ наилучшим образом: пусть Наташа порадуетсЯ обновой. Швы ложились на серый ситчик с белыми чайками ровно и красиво – эту специальность Катя приобрела за время учебы в ПТУ. Она любовалась своей работой. Теперь ей не страшно: деньги зарабатывать сможет сама. У зеркала примеряла платье на себя и втайне была довольна и платьем и собой: точеная фигурка, покатые плечи, большие, изумленно распахнутые глаза, словно они чему-то удивлялись; короткая стрижка с челкой на лбу и сама вся настороженная, в каком-то непонятном порыве, чего раньше никогда не испытывала: не знала зеркала, не любила косметики; сейчас же – совершенно другая, готовая вот-вот вырваться из серой атмосферы в иной мир, требовательный,

чистый, высокий. Может, и вправду так будет!

Осторожно, чтобы не порвать наметанные нитки, Катя сняла платье и снова села за работу. Машинка строчила тихо, радуя ее. Завтра она отдаст Наташе готовую вещь и получит семь рублей. За эти деньги купит себе общие тетради для чертежей и нитки. А еще мороженое и плавки.

В общежитие возвращалась поздно. Шла по тихому безлюдному переулку и мечтала. О чем? О завтрашнем дне, о покупках, а еще о пломбире, вкус которого уже забыла. Вдали, на столбе, тускло горела одинокая лампочка. На углу – большой куст сирени, за ним – поворот и – общежитие. И сегодня не придется выспаться, думала Катя, прикидывая в уме, что уже, наверное, первый час ночи. Девочки давно спят, а ей надо трудиться, чтобы иметь хоть какие-то гроши.

Неожиданно услышала отдаленные шаги. Подняла глаза, всмотрелась: ей навстречу шли двое. Беспокойно оглянулась: переулок был совершенно пустынным – ни пешеходов, ни машин; она одна и те, что торопливо приближались к ней. «Кто они? – тревожно шевельнулась мысль. – Уже поздно... И никого рядом... – Рванувшись вверх-вниз, беспокойно застучало сердце: – Где же второй? Было же два парня. Сама видела.»

Один из юношей, проходя мимо, окинул Катю взглядом с головы до ног.

«Во, дурочка! – прислушиваясь к удаляющимся за спиной шагам, подумала она. – Парень хочет познакомиться

со мной, а я... Ишь, как зыркал! Но куда, девался второй? Что за ерунда?»

Волнуясь и взвешивая создавшуюся ночную обстановку, спешила к повороту: оттуда совсем близко к общежитию. Еще немного пройти и...

Катя замерла: она явно слышала, что юноша вернулся и поспешно догоняет ее. Торопливые его шаги отчетливо отдавались в ночной тишине переулка и нагоняли на нее страх. Она ускорила бег – и тут же ускорились шаги за ее спиной. Вот-вот ее схватят чужие руки! Катя похолодела и лишь поравнялась со столбом, на котором тускло горела лампочка, как из-за куста сирени вышел второй юноша и преградил ей дорогу.

– Давай, шалавая, деньги! – грозно потребовал и вырвал из ее рук портфель. – И не пикни, не то... – Он показал нож: – Вот, что будет...

– Вы что? – испуганно произнесла Катя. – Нет у меня денег. Я учащаяся.

– Не учащаяся, а буфетчица. Мешок с деньгами, – шипел рядом второй, догнавший ее. – Открывай!

Сверкнувший под лампочкой нож привел Катю в ужас. Кричать? Ее крик могут прервать тут же.

Портфель был вскрыт – и на тротуар вывалились тетради, тапочки и новое, сшитое за три долгих вечера ситцевое платье. Руки хулигана шарили в глубине портфеля.

– Во-о-о, с-сука. Говорила, что денег нет, – пьяно прохри-

пел один из налетчиков, вытащив из бокового кармашка три рубля. – Еще давай, пигалица! – и полез к ее груди. – Фу, тут не за что взяться... Свистулька! Доходяга! Пошли...

Оцепенев от негодования и страха, Катя не могла сделать ни одного движения. Лишь потом, когда стихли шаги наглецов в конце переулка, наклонилась и собрала разбросанные вещи. На плечо повесила платье.

В таком виде зашла в подъезд общежития, поднялась на третий этаж и постучала в дверь своей комнаты.

Ей открыла Зина и ахнула: – Что с тобой, Катенька? На тебе лица нет... И что за маскарад?

– Сейчас на меня напали подонки, – бросив платье на стул, ответила Катя. – Подумали, что я буфетчица и несу в портфеле кучу денег. Ножом угрожали.

С кровати вскочила Наташа.

– Вот негодяи! Вот подлецы! В милицию надо заявить. – В ночной сорочке она суежилась возле подруги. – Нашли кого грабить! Руки бы обрубить... Я тебе чайку согрею.

– Не надо. Устала я. Отдыхать буду.

– Уже второй час ночи.

– Знаю.

– Завтра зачет.

– И это знаю, – устало ответила Катя. – Я шила платье и готовилась к нему. Все прокручивала в голове. Да и по дороге... Эх, жизнь! – вздохнула со всхлипом. – Последнюю трешку забрали. Опять занимать надо.

Через несколько минут она уже лежала в постели. В окно светила яркая крутобокая луна. Ее лучи падали на вешалку, и Катя видела два новых платья подружек и свое, короткое и изрядно поношенное.

«Когда же я буду носить красивую одежду? — думала и чувствовала в душе жалость к себе. — И в детстве не носила, и сейчас нет возможности что-нибудь купить. Была бы мама, как у других. Нет ее и некому нести свои обиды, некому бинтовать раны и перебитые крылья...»

Долго не спала Катя. И перед тем, как уснуть, вспомнила отца. Говорила вчера Зина, что видела его несколько дней назад вечером напротив общежития: он стоял в тени дерева и смотрел на окна, за которыми жила она, Катя Мезенцева.

Глава 8

Серые густые сумерки, перемешанные с разлапистыми мокрыми снежинками, слегка разбавлялись светом фонарей, мерцающих над головами прохожих, и подсвечивались витринами магазинов. Несмотря на порывы ветра, снег казался тихим и робким и таял на губах, ресницах, воротниках; таял, едва касаясь земли, и хлюпал из-под ботинок и сапожек мутной жижей. И только под фонарям хороводили снежинки, словно белые бабочки, слетевшиеся на свет и ночное крошечное тепло.

Улицы города в этот ноябрьский вечер заполняли только те, кто, подолгу засиживаясь на работе, давал отдых нервам, не имея сил на спешку, да молодой люд, кому такая погода не в счет.

Катя, в короткой поношенной шубке, что подарила ей уборщица тетя Нюра, торопилась в общежитие. Ее фигурка то пропадала в белой круговерти, то возникала под следующим фонарем. Пронизывая пучком света снежное крошево, он отвоевывал у этого хаоса часть просматриваемого пространства. Мокрый снег лепил в лицо, падал за шею и таял, обжигая холодом, и Катя, пригнув голову, нырнула в переулочек. Здесь было потише: огромные деревья, соединяясь вверху густыми ветвями, устроили над переулком вроде шалаша. Все, что Катя видела, все, что было сейчас вокруг

нее и в ней: и эта слякоть, и вода под ногами, и полупустынная улица, и ее мысли, одна тревожнее другой, – все ей было необходимо. В тиши она отдыхала. Редко светились окна домов, и ей подумалось, что она совершенно одна в бесконечном и безразличном к ней городе и что здесь можно умереть и никому не будет до этого никакого дела. Пошла медленнее, жалея себя: на плечах – чужая шубка, в кармане – ни шиша.

– Катя! – донеслось с другой стороны. – Подожди, дочка.

Услышав до боли знакомый голос и узнав его, Катя остановилась, не зная, как ей поступить. Что делать? Ждать или бежать?

К ней через дорогу шел отец. Он уже почти бежал в своем черном пальто с каракулевым воротником, в той же шапке с козырьком, чужой, ссутулившийся, похудевший.

– Что надо? – одеревенело спросила Катя, соображая, как вести себя с ним дальше: то ли выслушивать все, что он будет говорить, то ли оборвать на полуслове. Она уйдет, а отец? Что будет с ним? И смягчилась, взглянув ему в лицо: – Только недолго. Мне некогда.

Василий Петрович зачем-то снял шапку, мял ее в руках и, наверное, тоже соображал, с чего начать трудный разговор с дочерью.

– Что, заклинило? – не желая затягивать встречу, торопила его Катя. – Сказать нечего? Или язык отвалился?

– Как ты, дочка, живешь? – Василий Петрович спросил таким голосом, будто его только что ранили, и он не име-

ет сил говорить. Катя не узнала бы этот голос, не будь отца рядом. – Что же не заходишь в свой дом? Обиделась... Забыла... – Слизывая с губ снежинки, волновался и разглядывал дочь, повзрослевшую, изменившуюся, в чужой старенькой шубке. – Зайди как-нибудь.

– Одень шапку. Замерзнешь. – В Катином голосе послышалась жалость, и Василий Петрович, обрадовавшись, что дочка его не прогоняет, надел шапку и торопливо заговорил, пытаясь высказать все, что накопилось на душе за последние, очень трудные месяцы своего одиночества.

– Я сейчас не пью... Поверь мне, доченька. Начал новую жизнь. А ту... проклял... Собрал деньги тебе на пальтишко. Уже присмотрел, но не знаю, понравится ли тебе. Ремонт в квартире сделал. Сам.. Зайди, Катя, посмотри. А лучше возвращайся домой совсем.

– Нет! – зло перебила его Катя, вспомнив последнюю ночь своего пребывания под отцовской крышей. – Мне хорошо и в общежитии. У меня нет отца. Нет его, понял?

Переступив с ноги на ногу, Василий Петрович втянул в плечи голову, ожидая других слов, более резких и жестких, но их не последовало, и он тихо промолвил:

– Прости меня за все, что было. Прости, доченька... Ушла из дома водка. Я казнил, много передумал и пережил. Я... я держал самый серьезный ответ перед совестью...

– А она у тебя есть? – прервав отца, бросила ему в лицо Катя. – Очень сомневаюсь. Ты потерянный... И для меня

и всего общества.

Василий Петрович терпеливо выслушивал обвинения дочери: он знал, что у нее есть право на такие слова и боялся, как бы она не ушла. Он долго ждал этой встречи, часто караулил дочь, прячась за деревьями, киоском, и мучительно страдал, когда не смел ее окликнуть и лишь провожал глазами, роняя слезы.

– Сейчас есть. Нашел в себе силы начать трезвую жизнь. Больше полгода водки в рот не беру. И не буду. Хотят меня снова в школу взять.

– Сторожем? – не меняя позы, спросила Катя. – Или дворником? Метлу ведь пропьешь... Дверь снимешь и за водку отдашь. Я-то знаю.

Все больше бледнея, Василий Петрович съежился, словно дочка избивала его не словами, а кулаками. – Все не так, Катя. Математиком приглашают, но в другую школу. С испытательным сроком...

– Ну и ну! Истинный христосик! Хоть в угол ставь и молись.

– Изменился я, Катюша, – виновато проговорил Василий Петрович. Он достал платочек, протер очки, глаза. – Пойду в школу и заслужу у ребят уважение к себе. Верну доверие.

Катя видела, что отец был одет чисто: белая рубашка, галстук. Да и платочек новенький. Но сказала, все еще не веря ему:

– Ты как тот перелетный соловей: то на пихту, тот на ель.

– Что ты, доченька? Увидели, что я изменился. Справлялись обо мне на предыдущей работе. В магазине мне дали положительную характеристику. Последние месяцы я заслужил ее. Поверь мне!

Василий Петрович узнавал и не узнавал дочь: резкая, натянутая, так и сыпала колючими словами. Может, очень плохо ей живется? Конечно, плохо! Одна, без денег. Он, ее родной отец, ведь хотел узнать об этом и раньше: много раз приходил к общежитию, прятался, где попало, и не один раз, крадучись, шел за ней до самого училища, где она училась, но каждый раз боялся ее окликнуть.

Катя смотрела мимо отца, размышляя над его словами: верить или не верить?

– Идем домой, доченька, – предложил упавшим голосом, не надеясь на то, что она согласится. – Пусто без тебя. Очень пусто, а ты...

– А я учусь на швею. Помимо этого, зарабатываю еще себе на хлеб и чулки.

– Нужно большое терпение, чтобы жить в чужом доме, имея свой. – Василий Петрович был подавлен.

– А у меня его нет. Нет, нет! – почти выкрикнула Катя. – Да и душа пустая: там лишь полынь-трава. И в этом твоя вина. Я детства не имела. И сейчас...

– Знаю. И очень сожалею о прошлом. Как все искупить? Как? – Василий Петрович хотел взять дочь за руку, но она энергично дернулась. – Я проклинаяю те годы, что прожил

в водочном угаре. Теперь я не тот.

— Меня это не интересует. Ты разрушил мою душу, как сучихей. Мне нечем дышать... На всякий случай запомни это. И не преследуй меня. — Катя резко отвернулась от отца и, не простившись, ушла в снежную круговерть, пряча слезы в хрустальные ресницы.

Василий Петрович остался один. Снег кружил у разгоряченного лица, оседал на шапке, воротнике, но он не двигался. Стоял темной тенью среди белого хаоса и думал, что завтра снова придет сюда, дождется Кати и вновь будет убеждать ее вернуться домой; не поможет — придет еще раз и еще...

Сгорбленная фигура одинокого человека еще долго маячила под холодным зимним небом.

Глава 9

– Катюша. Одевай мое платье, – предложила Наташа, ярко подсинивая глаза. – Оно тебе к лицу.

– Спасибо. Не надо, – с грустью сказала Катя, размышляя над тем, когда же, наконец, она будет иметь свою одежду, модную и красивую, и не верила этому: ей просто некому помочь. – Я и в этом не потеряюсь. Заплат нет и ладно.

– Да уж точно. Золото и в мишуре блестит, – шутит Зина и прикалывает к шерстяному платью красного цвета блестящую брошь. – Марк с тебя глаз не сводит. Высокий, подтянутый, красивый, но, чувствуется, нахальный. Прямо прет из него нахальство.

– Это с другими, но не со мной. – Катя елозит розовой помадой губы и тоже смеется. – У него денег – куры не клюют. Швыряет десятками, не считая. Откуда они?

– А, может, фальшивые? – Наташа закончила наводить косметику и засмотрелась на Катю: бедненькая, худенькая, но такая привлекательная!

– Не отказывай, если тебе предлагает дружбу. Пусть новую шубку купит. Эта уже расползается.

– Ну да! – не приняла шутку Катя. – А потом потребует расплаты. Не нужны мне чужие вещи. Как-нибудь проживу и в своих. Зато никто с плеч не снимет.

Через несколько минут девушки вышли из общежития.

Мороз к ночи крепчал, и под ногами приятно похрустывал смерзшийся снег. До клуба «Швейник» идти было недалеко – рукой подать, и Катя в своих стареньких стоптанных сапожках с заплатой на одном из них старалась идти по протопанной дорожке, в то время как Зина и Наташа в своей новой теплой обуви забредали в снег, бодали его носками, резвясь и оглашая притихшие зимние улицы звонким девичьим смехом.

– Не надо хохотать на улице, – просит их Катя. – На нас же смотрят люди.

– Ну и что? Сейчас все можно: хочу пою, хочу плачу или пляшу. – Наташа вскинула руки в ярко-красных рукавичках и встряхнула ими над головой. – Кому какое дело?

Подавляя раздражение, Катя пыталась схватить расшавившуюся подругу за рукав, но та вывернулась и, скользя по льду, еле удержалась на ногах.

– Ух ты, могут и танцы накрыться, – с горечью произнесла, отряхивая с нового пальто снег. – До этого нельзя допустить. На дискотеке будут потери.

– Никто и не заметит, – отпарировала Зина.

Катя безмолвствовала: веселье – пока не для нее. Хорошо помнит, как в десятилетнем возрасте подходила к старому приемнику, включала его и, крутя ручкой, искала для себя музыку. А когда находила ее, порывистую, как ветер, яркую, как гром с молнией, переходящую в тихую, словно поющий ручеек, тот час же замирала и слушала до изнеможения. То-

гда она еще не понимала, что это была симфоническая музыка. Позже мама научила ее узнавать в музыкальном ансамбле отдельные инструменты: альты, скрипки, флейты, тромбоны. И лучшего для себя отдыха она не представляла. Такому музыку любит до сих пор...

Впереди ярко горел огнями клуб и зазывал молодежь танцевальной музыкой. На эстраде пел молодой парень в сверкающем пиджаке:

Таганка-а-а... Все ночи полные огня,
Таганка-а-а, зачем сгубила ты меня?

— будоражил всех его утомленный голос и, прижимаясь друг к другу, в такт танго шевелилась разноликая толпа.

В просторном зале было светло и тепло. Катю с подругами встретил Марк и пригласил всех к своему столику. Девушки отказались и тут же вошли в круг танцующих, а Катя села рядом с молодым элегантным человеком. Они закурили, обмениваясь незначительными фразами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.